



Моему мужу

*Кто унаследует Англию?
Дельцы, что правят ею?
Или те, что ее понимают?*

Э. М. Форстер

ГЛАВА 1

Чотон, Хэмпшир.

Июнь 1932

Он распростерся на невысокой каменной стене, подтянув колени, спиной на камнях. Стояло раннее утро, в воздухе слышалось пронзительное пение птиц, молоточками бившее в его виски. Так он лежал без движения и смотрел прямо в небо, чувствуя смерть, что царила здесь, на маленьком кладбище у церкви. Словно безмолвная статуя, высеченная из камня, он покоился на стене, вровень с молчаливыми надгробиями. Всю жизнь проведя в своей деревеньке, он ничего не знал о том, как величавы соборы страны, но в книгах, что он читал, говорилось, что скульптуры властителей древности точно так же венчали их усыпальницы, что даже спустя века на них благоговейно взирали простые смертные вроде него.

Была пора сенокоса, и телегу он оставил на дороге у ворот, откуда та вела к фермерским полям, туда, где кончалась старая Госпорт-роуд. Огромные вязанки сена уже громоздились на телеге, ожидая, пока их развезут по конюшням и молочным фермам, рассеявшимся по окрестностям деревни и тянувшимся от Олтона до Ист-Тистеда. Спиной он чувствовал, как намокла пропитавшаяся потом рубашка, хоть блед-

ное солнце едва светило — было всего девять утра, но он уже несколько часов провел за тяжелой работой в поле.

Словно по команде, разом смолкли все зяблики, зарянки и синицы, и он закрыл глаза. Пес, подняв голову над мшистыми камнями, до этого внимательно следил за овцами, рассыпавшимися по полю у скрытой во рву стены, отмечавшей границы имения. Но усталый фермер, засыпая, дышал все глубже и ровнее, и пес, поджав хвост, улегся рядом с хозяином на прохладной кладбищенской земле.

— Прошу прощения...

Сна как не бывало — голос звучал прямо над ним. Женский. Американка?

Он сел, свесил ноги со стены и встал перед ней. Окинул взглядом ее лицо, фигуру, быстро отвел глаза.

Ей было едва за двадцать. Широкополую соломенную шляпу украшала ленточка цвета индиго, сочетаясь с ее строгим темно-синим платьем. Казалось, что она одного роста с ним, пока он не обратил внимание на ее туфли. Таких высоких каблуков он еще никогда не видел. В одной руке она держала брошюрку, в другой — сумочку, на шее была короткая серебряная цепочка с крошечным крестиком.

— Мне так неудобно беспокоить вас, но вы первый, кого я встретила за все утро. Видите ли, я совершенно заблудилась.

Фермер, родившийся и живший здесь, в Чотоне, население которого составляло триста семьдесят семь человек, ничуть не удивился. Он всегда вставал с первыми петухами, уступая лишь доктору Грею, когда тот

ОБЩЕСТВО ДЖЕЙН ОСТЕН

делал обход, молочнику и почтальону, забиравшему письма из отделения на разнос.

— Видите ли, — повторила она, начиная привыкать к его природной молчаливости, — я приехала сюда на день, из Лондона, винчестерским поездом, чтобы посетить дом писательницы Джейн Остен. Но не могу его найти, и, заметив с дороги эту маленькую приходскую церковь, я решила немного осмотреться. Отыскать хоть какой-нибудь след.

Мужчина обернулся — за его спиной, справа, под сенью буков и вязов, стояла церковь из красного песчаника, куда он всегда ходил. С тех пор, как ее перестроили, сменилось несколько поколений, и там не осталось ничего, что бы напоминало о Джейн Остен или ее родных.

Затем он посмотрел налево, на маленькую калитку в глубине кладбища, сквозь которую виднелись подстриженные кроны тисов. Они казались ему похожими на перчницы даже в детстве. Живая изгородь служила южной границей террасы сада у стоявшего на склоне внушительного елизаветинского особняка из красного кирпича, со стрельчатой черепичной крышей и трехэтажной тюдоровской верандой, увитой плющом.

— Усадьба вон там, — отрывисто проговорил он, — за церковью. Ее так и называют — Большая Усадьба. Там живет семейство Найт. А могилы матери и сестры мисс Остен вон там, у церковной стены, видите, мисс?

Благодарность сияла на ее лице — за его слова, в которых она ощутила тепло.

— Бог мой, я и подумать не могла, что...

Ее глаза увлажнились. Он никогда не встречал никого прекрасней, она была словно модель из газетной рекламы мыла или шампуня. Она заплакала, и ее глаза приобрели невиданный прежде оттенок синего, почти фиолетового, а слезы катились по черным, как чернила, ресницам — черней, чем ее волосы.

Отвернувшись, он осторожно обошел ее, а пес, Райдер, уже крутился у его грязных сапог. Направившись к церкви, он остановился у пары надгробий. Девушка шла за ним, и каблуки ее черных туфельек тонули в мягкой земле кладбища. Он смотрел, как ее губы беззвучно читают надписи на каменных плитах.

Отступив, он порылся в кармане, достав оттуда кепи. Отбросил прядь светлых волос, всегда падавшую на брови, когда он работал, заправив ее под козырек, и натянул его покрепче. Сейчас ему хотелось отстраниться от нее и тех чувств, что пробудили в ней эти скромные могилы простых женщин, умерших сто лет тому назад.

Он удалился к покойничьим воротам и ждал там вместе с Райдером. Наконец, спустя несколько минут, она показалась из-за угла церкви, попутно останавливаясь, чтобы прочесть надписи на каждом из надгробий, будто надеясь отыскать еще одно знакомое имя среди усопших. Пошатываясь, когда каблуки цеплялись за камни, она чуть заметно хмурилась, недовольная собственной неловкостью, но не сводила взгляда с могил.

Остановившись у ворот, рядом с ним, девушка обернулась и довольно вздохнула. На лице ее теперь играла улыбка, и самообладание полностью вернулось

ОБЩЕСТВО ДЖЕЙН ОСТЕН

к ней — настолько, что он наконец по ее осанке и манерам понял, как она богата.

— Прошу меня простить, я совершенно не была готова к этой поездке. Понимаете, я проделала весь этот путь, чтобы найти домик, где она написала все свои книги — с маленьким столиком, скрипучей дверью, — добавила она, но никакой реакции не последовало. — Будучи в Лондоне, я почти ничего не смогла разузнать — спасибо, что помогли мне.

Он открыл для нее ворота, и вместе они направились к дороге.

— Могу проводить вас к ее дому, если хотите, — туда идти всего около мили. С сеном для фермы я уже управился, пока жара не наступила, поэтому время у меня есть.

Она очаровательно улыбнулась — ослепительно, белозубо — именно такой, по его представлениям, и была американская улыбка, и он подумал, что только американка может так улыбаться.

— Вы так добры ко мне. Благодарю вас. Я полагала, что люди сюда постоянно приезжают, такие, как я, и по той же причине, это правда?

Пожав плечами, он замедлил шаг, чтобы сравняться с ней, пока они шли к Большой Усадьбе по гравийной дорожке длиной в полмили.

— Пожалуй, часто. Но здесь мало чего интересного. Там, в доме, теперь работники живут — во всех комнатах.

Взглянув на нее, он увидел, что она разочарованно хмурится. Он и сам не понял, почему спросил ее о книгах — точно хотел подбодрить.

— Даже не знаю, как вам сказать, — ответила она, когда он указал туда, куда вела дорога, ровно напротив места, где стояла телега, о которой он на время забыл. — Просто, когда я читаю ее книги и перечитываю — чаще, чем кого-либо еще, — она как будто живет в моей голове. Это как музыка. Отец читал мне ее романы в детстве, его не стало, когда мне было двенадцать, и в ее строках мне слышится его голос. Ничто иное не могло заставить его смеяться так, как тогда.

Слушая, как она болтает, он недоверчиво покачал головой.

— Так вы ее не читали? — Теперь огонь недоверия сверкнул в ее глазах.

— Мне такое не очень-то интересно. Предпочитаю кого-то вроде Хаггарда. Приключенческие романы. Вы, наверное, меня осудите...

— Никогда бы не стала судить кого-то за его литературные предпочтения.

Увидев, что он смотрит на нее с иронией, она вновь широко улыбнулась:

— Хотя, кажется, только что поступила иначе.

— Как бы там ни было, никогда не понимал, как эти романы о девицах, ищущих замужества, могут сравниться с тем, что писали великие. Толстой, например.

Он снова пробудил в ней интерес.

— Вы читали Толстого?

— Да, готовился отправиться на учебу, когда была война, но двух моих братьев призвали на фронт. А я остался здесь, помогать по хозяйству.

— Значит, вы сейчас вместе работаете на ферме?

Он отвернулся.

— Нет, мисс. Оба погибли на войне.

Ему нравилось говорить так — резать, как лезвием, — остро, начисто, глубоко, бесповоротно. Как будто упреждая дальнейшие расспросы. Но, чувствуя, что в разговоре с ней подобный путь привел бы к обратному, он спешно продолжал:

— Кстати, видите, где встречаются вон те две дороги? Вы пришли по левой, из Винчестера, так? Будете держаться правой — она теперь главная, на Лондон — и попадете прямо в Чотон. Там и коттедж стоит.

— Вы и вправду очень любезны. Спасибо вам. Но вы должны прочесть ее книги, должны! Вы же здесь живете, разве нет?

Он не привык к подобным проявлениям чувств, и ему захотелось вернуться к своей телеге и исчезнуть.

— Пообещайте мне, пожалуйста, мистер?..

— Адам. Меня зовут Адам.

— Мэри Энн, — ответила она, протянув на прощание руку. — Начните, конечно, с «Гордости и предубеждения». А после — «Эмма», это моя любимая. Такая смелая, но такая забывчивая... Хорошо?

Вновь пожав плечами, он отсалютовал ей кепи и зашагал прочь по дороге. Он обернулся лишь один раз, едва миновав пруд у развилки. Девушка все еще была там — высокая, стройная — и смотрела на домик из красного кирпича, на заделанное окно и белую дверь, выходящую прямо на дорогу.

НАТАЛИ ДЖЕННЕР

* * *

Закончив оставшуюся работу, Адам Бервик вновь оставил пустую телегу у ворот и устало поплелся по дороге, пока не дошел до маленького домика с террасой, где жил уже много лет.

Когда-то его семья была большой: отец, мать и трое сыновей, из которых он был самым младшим. Маленькая ферма, которой они владели, уже четыре поколения передавалась от отца к сыну. Благодаря этому все Бервики с малых лет были привычны к тяжелому труду. Ему нравилось это — монотонность, постоянство, с которым времена года сменяли друг друга, сон после работы, не оставлявший времени на разговоры.

Но Адам также был внимательным и прилежным учеником, взявшимся за книги отца, повсюду лежавшие в доме, когда ему было всего пять лет, и с тех пор читавшим все, что попадало ему в руки. Каждый раз, когда мать отправлялась в Олтон, он старался пойти с ней. Даже больше, чем кондитерскую и леденцы, которые она иногда покупала, он любил разглядывать детские книги в библиотеке и находить что-то новое для чтения. Потому что за страницами каждой из них скрывался совершенно новый мир, и он не понимал, как кто-то вроде его братьев может не замечать этого.

В этом мире он мог скрываться, когда хотел — если чувствовал, что мир настоящий, мир людей с их социальными взаимодействиями и ожиданиями, начинает давить на него. Необъяснимо, но он ощущал это несравнимо сильнее, чем прочие. Кроме того, он смотрел на вещи глазами героев книг, усваивал те же

ОБЩЕСТВО ДЖЕЙН ОСТЕН

уроки, что и они, но что было важнее всего, пытался отыскать ключ к счастливой жизни. Он чувствовал, что те, чья жизнь не проходит в повседневных трудах, в отличие от его семьи, существуют в какой-то другой реальности, где их эмоции и желания, едва заметно сверкая и искрясь, бегут по бесконечным проводам, эхом отдаваясь в ушах еще неведомого слушателя. А в его собственной жизни ничто не сверкало и уж тем более почти не искрилось.

Единственным ярким событием для него стала выигранная дотация на обучение, но все померкло, едва лишь его братья ушли на войну. Его не призвали потому, что для военной службы он был еще слишком мал, а бессмысленную, по словам матери, учебу он уже перерос. Война все изменила, и не только в его семье, хотя деревенские знали, что Бервикам досталось больше всех — старшие сыновья погибли в Эгейском море в 1918-м, а меньше чем через год отца скосила испанка. Порой из самых глубин отчаяния их с матерью спасали лишь соседская забота и участие.

Однако, несмотря на то что бездна еще не поглотила их, они постоянно колебались на самом ее краю. Ни он сам, ни его мать, невзирая на разные характеры, не в силах были вырваться из привычного русла их жизни, им чужда была сама мысль о возможности что-то изменить. Спустя несколько лет после войны, горя, долгов и беспрестанных стенаний матери они со значительной уступкой продали ферму обратно во владение семейству Найт. Поколения сменяли друг друга, и Бервики были прислугой Найтов, работая на них, как и его бабушка с матерью, как и он сам —